

2 Января 2022 года

КРОНШТАДТСКИЙ СВЕТОЧ И ГАЗЕТНЫЕ ГИЕНЫ

Слово, произнесенное 6 декабря 1907 г. в Кронштадтском Андреевском соборе

Повествуется в одном древнем житийном сказании, что к некоему благочестивому старцу-подвижнику приходили со всех сторон слушатели и почитатели, прося молитв, совета, благословения. Многие и о многом спрашивали его, и всем и каждому он отвечал в меру Духа, ему данного. Только один юноша, всегда посещая старца, сидел у ног его молча и ни о чем не спрашивал. Однажды старец, заметив это, наконец, обратился к юноше с вопросом: почему он молчит и ни о чем его не спрашивает? Юноша ответил: «Отец мой! Для меня довольно только слушать и смотреть на тебя!»

Старец Кронштадтский — вы знаете, о ком я говорю — разве не напоминает нам и не повторяет ли на наших глазах в течение десятков лет этого древнего старца? Неистребимо живет в душе человека потребность найти и облобызать святыню, поклониться ей, побыть в ее освящающем и поднимающем дух общении. У русского православного народа потребность эта является особенно повышенной, она заполняет и потрясает всю душу народную, господствуя над всеми другими ее интересами и запросами. И вот сюда, к чудному старцу, столько лет обращает свои взоры святая и святолюбивая Русь. Одни к нему являлись лично, с ним молились и молятся, получали совет и благословение, получали нередко и дар чудодейственной помощи. Как их ни много, они, сравнительно со всей Русью, — едва приметная часть народа. Все прочие, как юноша пред древним старцем, только созерцали это дивное видение нашего времени и радовались Божьей благодати, в нем почивающей, и возгревали веру и упование, и насыщались его обильной духовной трапезой слова, молитвы, непрестанного поучения, — поучения его жизни, подвига, любви, щедродательности, горячей веры и горящего слова, исходящего из уст его. От страны глубокой полунощи, где в борьбе с суровой природой, спасаясь от врагов, нашел себе русский человек пристанище свободы и училище крепости духа и характера, воссиял наш светильник. Там некогда возросли великие духом преподобные Трифон и Феодорит, Зосима и Савватий, Герман и Кирилл и многие другие. Их духом напоенный стоит здесь более полувека великий в простоте веры и смирении пастырь-молитвенник, — на грани русского царства, у полунощной столицы, на конце земли русской, у самого моря, светя, как маяк, разбиваемым житейским кораблям среди мирских бурь и тревог житейских.

Здесь, в этом святом храме, полвека трепетал самый воздух его от гласа молитв и воздыханий всероссийского пастыря и молитвенника; здесь пролились его первые слезы священнической молитвы; здесь возносились к Богу его пастырские скорби и радости; здесь около него было столько духовных восторгов веры, упований, столько событий и случаев возрождения, покаяния, спасения, отрад и утешения, столько чудес Божественной благодати, — что поистине должно сказать словами Господа к Моисею у купины неопалимой: «сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх. 3, 5). Столько лет неизменно и непрестанно днем и глубокой ночью, и утру глубоку, еще сущей тьме, он стоял здесь и учил, и молился, — и дал ему Бог радость видеть, как город, известный в прежнее время только блудом и пороком, обратился во всероссийское чтимое место, в место паломничества, как действие его служения сказывалось все шире и шире.

Долго и постепенно разгорался его светильник, пока не засиял на всю Россию и далеко за ее пределами правилом веры, образом кротости и воздержания учителем, пока не стяжал наш пастырь всероссийский смирением высокоя и нищетою — богатая. Вздымались гордо волны неверия в 60-х годах, были жестокие бури в Церкви; поднимались ереси; возрос и пал Толстой... Отец Иоанн бестрепетно и непрестанно увещевал, наставлял, бичевал, обличал порок и гордыню неверия и ереси; он стоял несокрушимым столпом православной церковности, на себе самом, в живом примере показывая и доказывая силу, живость и действенность Святой Церкви, которая способна возрастить в своих недрах такого благодатного пастыря. Он зажег священный огонь в тысячах душ; он спас от отчаяния тысячи опустошенных сердец; он возвратил Богу и в ограду Церкви тысячи гибнущих чад; он увлек на служение пастырское столько выдающихся людей, которые именно в личности о. Иоанна успели увидеть, оценить и полюбить до самозабвения красоту священства... Теперь они, нередко уже стоящие на высоких степенях иерархии, приезжают к старцу Божию и пред ним смиренным склоняются до праха земного. Вчера и сегодня мы были тому свидетелями.

И вот в последние годы, когда назревала и прорвалась гноем и смрадом наша пьяная, гнилая и безбожная, безнародная, самоубийственная революция, мы увидели страшное зрелище. Ничего не пощадили ожесточенные разбойники, не пощадили ни веры, ни святынь народных. И старец великий, светило нашей Церкви, «отец — отцов славная красота», честь нашего пастырства, человек, которым гордились бы каждая страна и каждый народ, — этот старец на глазах у всех возносится на крест страданий, предается поруганию и поношениям; его честь, его славу, его влияние расклеивают черные вороны. Поползла гнусная сплетня; газетные гады, разбойники печати, словесные гиены и шакалы, могильщики чужой чести вылезли из грязных нор. Еврействующая печать обрушилась грязью на о. Иоанна. Нужно им разрушить народную веру; нужно опустошить совесть народа; нужно толкать народ на путь преступления; нужно отомстить человеку, который

так долго и успешно укреплял веру, воспитывал любовь к Царю и родине, бичевал всех предателей, наших иуд и разрушителей родины, начиная от Толстого и кончая исчадиями революции... Его первого стала травить и бесславить разнузданная печать. Помню я, два года назад, возвращаясь из Сибири к северной столице, по всей линии железной дороги эти листки, рисунки, стихи и издательства над Иоанном Кронштадтским... Потом на краткое время травля ослабела, но теперь вся эта грязь опять соединяется в один общий поток. Черные вороны тучами собираются над Россией, и первое, что они силятся расклевать хищными клювами, это — святыни и святых, подорвать авторитет уважаемых лиц, подорвать благоговение религиозное, на котором построен всякий долг, всякий порядок, всякая жизнь, истинно-достойная и истинно-человеческая. Нам нет дела до того, что собственно хотел выразить автор бездарной сценической стряпни (Речь идет о кощунственной пьесе «Черные вороны», где высмеивались о. Иоанн Кронштадтский и его последователи. — *Прим. ред.*), рассчитанной на обирание простодушных людей, — обирание, которое он бичует, однако, не в себе и себе подобных, как бы следовало, а в других. Может быть, он, как уверяет, и в самом деле хотел изобразить в отталкивающем виде изуверное сектанство и религиозное шарлатанство, хотя бы прикрывающее себя именем о. Иоанна: ведь зло может прикрыться не только именем чтимого пастыря, но даже именем Иеговы (иеговисты) или Иисуса (иезуиты); ведь и в других областях мысли и жизни вообще сатана нередко преобразуется в образ ангела, и разве мы не видели, как разбойники, насильники и предатели народные, служащие за еврейские деньги разрушению России, выступают под знаменем братства, равенства и особенно «народной свободы» или блага общества (социализм). Итак, мы не говорим здесь о пьесе и ее содержании: мы говорим о том, что сделали из нее на сцене гнусные служители сцены, лакеи, продажные и пресмыкающиеся прислужники низменных инстинктов толпы и дьявольской революции. На сцене вместо бичевания сектантского зверства или обмана, к ужасу православных, изображается быт и обстановка наших православных обитателей и храмов и недвусмысленно выводится в шутовском виде наш доблестный пастырь, всенародно чтимый, о котором народная вера давно сказала свой приговор, что житие его славно и успение будет со святыми. И это в то время, когда он, на склоне дней обессиленный мучительным недугом, ослабевший телесными силами, едва двигаясь, совершает среди верующих по-прежнему свои, может быть, последние на земле подвиги молитв и благочестия, когда он не в силах защитить себя, когда мы трепещем за каждый день и час его жизни, когда еле теплится и вот-вот погаснет эта святая лампада, догорит эта чистая Божья свеча! Неужели нет ему защиты? Неужели мы оставим его одиноким посреди нашего многолюдства? Неужели он отдан на растерзание духовных псов, на пытки и издевательства этих разбойников?

«Но зачем ты говоришь об этом нам?» — может быть, спросите вы в тоске и горести и в недоумении. «Зачем?» Но тогда спросите, зачем плачет любящий сын около растерзанного отца или матери? Зачем в большом горе, остановив плач и, по-видимому, успокоившись, мы, увидя близких, любимых, нам сочувствующих, молчаливые среди чужих, здесь, среди своих, не можем сдерживать горести, и слез и воплей? Так и ныне, в этом храме, при виде этого множества молящихся, детей и почитателей о. Иоанна, дайте нам излить свое горе, выплакать свои слезы!

А затем, в этот день церковно-гражданского праздника, хочется чрез вас, через все это великое множество народа, из этого храма на всю Россию сказать: О, храните святыню и святых! Берегите ваши духовные сокровища! Защищайте, отстаивайте их от всех тех свиней, что топчут их ногами! Или не знаете, что уста праведных каплют премудрость, язык же нечестивых погибнет? Или не верите, что идеже внидет досаждение, тамо и бесчестие — и это мы видели на всех этих усилиях свободы и «освободительного движения», полного одной злобы и досаждения? Или забываете, что в благословении правых возвысится град, а устами нечестивых раскопается? Или перестало быть непреложной истиной, что праведниками держаться царства человеческие, что семя свято — стояние их, что правда возвышает народ, а умаляют племена грехи?

Или думаете, что если вы избиваете пророков, подобно богоубийственным евреям, то не останется дом ваш пуст? Или каждый год у вас будет новый Иоанн Кронштадтский, что вы не дорожите им?

Не унижите вы Бога и святыни, не заплюете неба, — плевки возвратятся на головы плевавших; но сами вы, сами вы — какой ответ дадите? Что скажут о нас потомки? Как справедливо они осудят нас за то, что мы не умели и не хотели уберечь святого, не защитили, не оградил его оградой и стеной любви и это в то время, когда живы и среди нас тысячи им исцеленных чудесно, тысячи им возрожденных? Тогда как ответим мы и Богу, и не свершится ли над нами Его правый и страшный приговор, что если мы Моисея и пророков не слушаем, то если кто из мертвых воскреснет, не поверим? Тогда не дошли мы до хулы на Духа, за которую одну, по суду даже самой воплощенной Любви, объявившей прощения всякой хуле и всякому греху, нет прощения ни в сей жизни, ни в будущей?

Тогда и на земле не устоять нашему царству, и не жить нашему народу. Любовью к нашему старцу, молитвой за него, проявлением всенародного и общественного негодования к исчадиям «черных воронов» и всякой театральной нечисти мы должны ополчиться в защиту наших попираемых святынь.

А вам, гнусные хулители, готово пророческое слово того самого праведника, которого вы теперь обливаете грязью. Как бы в презрении скорби, всего три года назад, о. Иоанн писал в своем дневнике: «Благодарю Тебя, Господи, Боже мой, что Ты призвал меня в общение Божественной трапезы Твоей, сделал меня сотрапезником и собеседником Твоим, чтобы возлежать как бы на персях Твоих, или, точнее, иметь Тебя внутри в персях и в сердце моем. Какой Ты сподобил меня чести, какого достоинства, какой любви, какого общения! Что я Тебе за это принесу и что воздам, великодаровитый, бессмертный Царь?! Но какое прискорбие, что служители Твои и сотрапезники Твоей Божественной трапезы ныне в пренебрежении и поношении у людей века сего; как они поносят священников Твоих, и Церковь Твою, и святое слово Твое, которое изрек Дух Святой! И доколе Ты терпишь их, доколе не уничтожишь их, уничтоживших Тебя, Бога нашего, и не изгладишь имени их из числа живых! Да погибнет память их с шумом. Буди!» Аминь.

Священномученик Иоанн Восторгов

Использованы материалы: Православие.ру,
Ответственный редактор: священник Сергей Макаров
Верстка: Ирина Тимошина